

КОКОРЕВ, Иван Тимофеевич [6(18).IX.1825, Зарайск -- 14(26).VI.1853, Москва] -- прозаик. Сын вольноотпущенного крестьянина. К. вошел в литературу как бытописатель Москвы; его творчество и вся биография, представлявшая, по словам Добролюбова, "грустную историю гибели таланта", крепко связаны с Москвой (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т.-- М.; Л., 1963.-- Т. 4.-- С. 266). Учился в Московском уездном училище, обратил на себя внимание одаренностью и был принят во 2-ю Московскую гимназию. Проучившись в ней до 1-го класса, К. оставил занятия из-за недостатка средств и обратился к директору московских театров М. Н. Загоскину с просьбой принять его на сцену. Эта встреча сыграла большую роль в судьбе К. благодаря совету Загоскина К. занялся литературой. С 1843 г. вынужден добывать средства поденной литературной работой: сотрудничал в журнале "Живописное обозрение"; разбирал и обрабатывал исторические документы у профессора А. Д. Черткова; с А. А. Стойковичем работал над книгой о Кавказе (1845); участвовал в иллюстрированном издании А. Семена "Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара" (1845). С 1846 г. К. связан с журналом "Москвитянин", как секретарь выполняет всю черную редакционную работу. Статьи и рецензии, написанные по заказу (включены в 3-й том сочинений К.), вызывали грусть и сожаление у читателей и критиков, любивших писателя. "Какой талант, какая поэзия может сохраниться в человеке, принужденном убиваться над такими предметами? Никто из читавших "Москвитянин" не предполагал, конечно, что этот же самый человек тут же, через несколько страниц, смастерит какие-нибудь заметки о парикмахерском объявлении, о новом полнейшем оракуле, о шрифте визитных карточек..." (Там же.-- С. 270). Неизданные письма К. редактору журнала М. П. Погодину, полные просьб о ничтожных денежных суммах,-- свидетельство его постоянной крайней бедности. Начало литературной деятельности К. совпадает со временем триумфа "натуральной школы". Первоначально физиологический очерк был всецело принадлежностью "петербургской литературы". Этот жанр культивировался и пропагандировался некрасовскими сборниками ("Физиология Петербурга", 1845; "Петербургский сборник", 1846), "Отечественными записками" и "Современником", в которых главной фигурой был В. Г. Белинский. Но физиологический очерк недаром явился практической реализацией призыва Белинского создать многоголосую русскую беллетристику, которая охватила бы все стороны действительности, жизнь всех сословий. Высшая цель этой литературы -- выдвинуть на первый план демократического героя, "эпизодических" людей, которым раньше вход в "высокую" словесность был воспрещен. Уже скоро физиологический очерк из Петербурга переселился в Москву, в которой славянофилы и прежде всего "Москвитянин" в первое время в штыки приняли это новшество. И все же именно в "Москвитянине" с конца 1840 г. стали появляться физиологические очерки. Значительна в этом заслуга К., хорошо знавшего по опыту московские трущобы. К. жил на окраине тогдашней Москвы, в глухом переулке у Самотеки, в жалкой каморке ветхого домика, сам испытывал не меньшую нужду, чем те горькие бедняки, которых он изображал в своих произведениях. По глубине и верности описания быта городской бедноты, точном знании подробностей жизни этих слоев К., сам кровно связанный с ними, в то время не имел себе равных. В разработке темы народного быта большую роль сыграло общение К. с А. Н. Островским, вошедшим в нач. 50 гг. в "молодую редакцию" "Москвитянина", где в 1850 г. К. руководил отделом "Внутреннее обозрение", помещал очерки о Москве -- "физиологию московской жизни", выставлявшую из живых и самых непосредственных наблюдений. Все очерки и рассказы К.--разрозненные страницы задуманной им книги о Москве. Один из набросков начинался так: "Город -- книга: в ней можно добавлять страницы, но нельзя ни одной вырвать..." Такое образное понимание Москвы, городской жизни, характерное для писателей "натуральной школы",-- ключ к литературной концепции общего замысла К. В 1847 г. в "Москвитянине" напечатана первая, во многом автобиографическая, программная повесть "Сибирка", полемически названная "мещанскими очерками" (отчасти предвосхищающая тему "Записок из Мертвого дома" Ф. М. Достоевского). "На свете все в имени,-- обращается автор к читателям,-- и, назвав мою историю "очерками", вправе действовать как заблагорассудится, идти на все четыре стороны, не стесняясь оградой повести или другого какого произведения, получившего право гражданства в области слова. Очерки мои отчасти сродни тем литературным блесткам, что зовутся за морем физиология-ми, и поэтому-то осмеливаюсь представить на твое благоусмотрение несколько отдельных штрихов, тем более, что они могут показать исходную точку, с которой надобно смотреть на целое" (Русские повести XIX в. 40--50-х гг.-- М.; Л., 1952.-- Т. 2.-- С. 622). Но при всей "физиологичности"

повести (зарисовки районов Москвы с точки зрения сословной географии, бытовая характеристика ремесленного люда) К., согласно своей художественной установке, стремится к полноте изображения, касается многих тревожных тем времени, остро обсуждаемых в тогдашней литературе, и журналистике. И прежде всего автора волнует новое лицо, новый демократический герой (ремесленник-живописец), его "положительность", житейская "перспективность", соотношение со старым героем романтического склада (люди деятельные, широкие натуры, в противоположность "кислякам",